

"Аполлонъ", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Г-жѣ Любви Столицѣ было угодно надѣть доспѣхи древней "поляницы". Отчего же скучающей Людмилѣ не надѣть и этого наряда? "Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша".

На каждой страницѣ "лукоморье", ширяетъ "растительчивый" "шеломъ" и т. д., всего не перечестъ. Себя величаетъ "исполинской дѣвой", "богатыркой", "каменной бабой", но всегда мы видимъ барышню, вышедшую въ поле и говорящую, какая она была "вся розовая", какія у нея были руки, глаза, волосы,-- т. е. пріемъ, не только не совсѣмъ скромный, но далеко и не художественный.

Такъ и данный опытъ маскарада можетъ только разсматриваться, какъ милый, нѣсколько претенціозный женскій капризъ.

Гр. А. Толстой ни слова не говоритъ о томъ, какой онъ былъ солнечный, но подлинный восторгъ древняго или будущаго солнца заражаетъ при чтеніи его "Солнечныхъ пѣсень". Насколько намъ извѣстно, это -- первая вещь гр. Толстого въ такомъ родѣ, за которой послѣдоваль рядъ другихъ, можетъ быть болѣе совершенныхъ, но въ этомъ запѣвѣ такъ много подлинной пьяности, искренности, глубокаго и наивнаго чувствованія мѣта, что онъ плѣнитъ любое сердце, воображеніе и ухо, не закрытые къ солнечнымъ русскимъ чарамъ. Если мы вспомнимъ А. Ремизова и С. Городецкаго, то сейчасъ же отбросимъ эти имена по существенной разницѣ между ними и гр. Толстымъ.

Грань А. Ремизову, болѣе выразившемуся поэту, это -- несомнѣнно книжное происхожденіе его вдохновеній, а Городецкій дѣйствуетъ совершенно различнымъ пріемомъ быстрого ритма, не дающаго намъ возможности разобрать, что мы слышимъ, и скрывающаго смыслъ или часто отсутствіе его. Здѣсь же каждое слово, образъ полны самаго настоящаго значенія, и не приходится въ голову искать ихъ происхожденія, что даетъ этой поэмѣ необычайную убѣдительность.

Н. Гумилевъ далъ изящный сонетъ, начинающійся съ довольно рискованнаго утвержденія: "Я попугай съ Антильскихъ острововъ". Милъ сонетъ и г-жи Дмитріевой. А. Блокъ и А. Бѣлый дали кое-какіе стихи, особенно первый. Есть стихи гг. Эльснера и Лифшица. Но, безусловно, главнымъ украшеніемъ книжки "Острова" нужно считать вещи С. Соловьева, высокаго вкуса и безукоризненнаго мастерства. Особенно хорошъ "Отрокъ со свирѣлью".

Если бы старые дубы могли говорить и рассказывать, что они видѣли, за свою пятисотлѣтнюю и болѣе долгую жизнь,-- дубы подмосковные, съ сербскихъ горъ, съ большихъ дорогъ Франціи, изъ окрестностей старо-нѣмецкихъ городовъ,-- вѣроятно они зашумѣли бы языкомъ г. Животова, кряжистымъ матерымъ, полнокровнымъ, тяжеловѣснымъ, часто невразумительнымъ, мѣстами вѣщимъ, дубовымъ языкомъ. Конечно, г. Животовъ начитанъ въ старорусскихъ и другихъ хроникахъ, но намъ кажется, что у него есть и подлинное ясновидѣніе старины и си рѣчи, особенно русской. Не зная отчетливо матеріаловъ, служившихъ г-ну Животову для его созданій, мы затрудняемся рѣшить, гдѣ взяты подлинные куски и гдѣ самостоятельное творчество, но думается, что мы не ошибемся, отнеся слабѣйшія и болѣе корявыя строчки -- именно, къ выдумкѣ. Близость языка, притомъ въ рѣдкихъ формахъ, къ славянской рѣчи, дѣлаетъ его иногда почти недоступнымъ пониманію, напр., "Правда, -- истина, л_о_ж_ь с_а_м_а ш_л_и" часто онъ выдумываетъ слова или искажаетъ ихъ,-- "метаются" вмѣсто мечутся и т. п. или въ старинную рѣчь вкрапляетъ слова и понятія до того интеллигентныя, что это рѣжетъ любой слухъ:

"в_п_е_р_и_в_ь очи въ икону чудотворную"

или

"черезъ сѣни шумно люди х_л_ы_н_у_л_и".

Языкъ тяжелъ и невыкорчеванъ, но какая-то настоящая новая сила въ немъ кроется. Къ несчастію, г. Животовъ не дубъ, а нашъ современникъ, но когда онъ прикасается къ нашему времени, то подпадаетъ невольно подъ вліяніе поэта, также нѣсколько косноязычнаго, именно Андрея Бѣлаго. Слабѣе всего тѣ стихотворенія, гдѣ авторъ хочетъ изысканно мрачнаго лиризма.

Книга многихъ заинтересуетъ, многихъ отвратитъ, не знаю -- плѣнитъ ли немногихъ, а намъ даетъ надежду; но хотѣлось бы, чтобы г. Животовъ не забывалъ, что какъ бы онъ ни шлифовался, им обтесывался, природа принуждаетъ его оставаться дубомъ. Желательно было бы только, чтобы этотъ дубъ говорилъ не слишкомъ ужъ дубовымъ языкомъ.

М. Кузминъ.